

ИЗ КНИГИ И.В. АРХАНГЕЛЬСКОГО «ЗАПИСКИ ВЫПУСКНИКА ГОРНОГО ИНСТИТУТА»

(Продолжение. Начало в номере 3/2015)

На втором курсе нам преподавали минералогию. Я с нетерпением ожидал занятий. Когда-то в детстве я видел красивые минералы в доме моего товарища Вовы Чернова, читал «Занимательную минералогию», изданную в 1936 году. Эта книга сохранилась у меня до сих пор. Автор книги — академик Александр Евгеньевич Ферсман. Читая книгу, я окупился в новый для меня мир — мир приключений, мир охоты за минералами. Книга имеет большой формат, хорошо иллюстрирована, в том числе имеются цветные изображения минералов. Я часто перелистывал книгу и после того, как ее прочитал. Из книги я впервые узнал об удивительной истории знаменитого алмаза «Шах», которым Персия откупила за убийство А.С. Грибоедова. Кроме того, в детстве я читал интересные сказки писателя П.П. Бажова, в которых участвовали уральские самоцветы. Сборник его сказок назывался «Малахитовая шкатулка», поскольку по Бажову, «в малахите радость земная собрана». На экраны был выпущен яркий цветной кинофильм по сказкам Бажова «Малахитовая шкатулка». Дома у меня имелась небольшая коллекция минералов, образцы для которой поставлял мой старший брат Дмитрий — студент географического факультета Ленинградского университета и его товарищи. Я запомнил первый минерал в моей коллекции. Это был исландский шпат — бесцветный прозрачный минерал с двойным лучепреломлением. Мне нравилось класть исландский шпат на газетные заголовки и смотреть, как раздваиваются буквы.

Исходя из впечатлений от книги Ферсмана и сказок Бажова, я надеялся услышать на лекциях по минералогии захватывающий рассказ о минералах. Но в действительности все оказалось не так, как ожидалось. Никаких сказок и тайн. Мы слышали сухой перечень минералов, заучивали их химические формулы. На практических занятиях нас заставляли разглядывать цвет черты, оставленной минералом на матовой поверхности фарфоровой пластинки, определять твердость по шкале Мооса, отмечать сингонию, спайность, блеск, излом, реакцию на воздействие кислотой, магнитность и т.п. А где описание красоты и гармонии минералов, где занимательные истории, связанные с минералами и т.д.? Минералы, которые мы рассматривали, были затерты, залиты кислотой, и мне они представлялись вроде булыжников из мостовой. Я быстро потерял интерес к минералогии, прекратил систематически заниматься минералами и с трудом сдал зачет и экзамен. Единственное, что мне доставляло

удовольствие при прохождении минералогии, так это посещение Горного музея. На лестничной площадке недалеко от входа в музей стояла глыба уральского малахита массой около 1500 кг, подаренная музею Екатериной II. Студенты многих поколений отбивали от глыбы по маленькому кусочку малахита, и она уменьшилась в размерах, поэтому ее перенесли в помещение музея. Музей занимает парадные залы института. Собрание музея насчитывает около 230000 экспонатов. В отделе минералогии представлена огромная коллекция минералов. В том числе самородки золота, серебра, платины, собрание драгоценных камней, большая коллекция алмазов, метеориты. Имеется огромная друза горного хрусталя из Японии, которую передал в дар музею Александр II. Когда в музей однажды приехала съемочная группа студии Ленинградского телевидения для съятия документального фильма о Горном институте, то меня и Эдика Будько телевизионщики буквально схватили на лестнице и привели в музей. Меня поставили рядом с друзой горного хрусталя для масштаба, чтобы показать, как велика друза. Будько оставили в стороне, он не подошел по росту. Потом я видел этот фильм...

В музее имеются также экспозиции, посвященные палеонтологии, палеоботанике, исторической и динамической геологии, петрографии. Широко представлен отдел истории горной и горнозаводской техники, бурения, горного дела, обогащения полезных ископаемых, металлургии. Меня поразили многие изделия из камня и металла. Например, тончайшая пальма, выкованная русским умельцем — донецким кузнецом А.И. Мерцаловым из одного куса железнодорожного рельса...

Позже, когда я окончил институт и работал в экспедициях, я увлекся собиранием минералов и горных пород. Хотя направление моей работы было иным — инженерно-геологические изыскания для строительства. Меня всегда коробило, когда специалисты по инженерной геологии, также как и строители, все твердые горные породы называли скалой, как будто они не имели названия. Особенно много образцов я собрал на Кольском полуострове. Правда, значительную часть коллекции я раздал, в частности, передал в школу, где училась моя дочь. Так что любовь к камню все равно вернулась, иначе быть не могло. Конечно, я сожалел, что изучал минералогию в институте не очень старательно. Все-таки, знания, приобретенные в молодые годы, остаются в памяти надолго. И что интересно, позже я прочитал,

что Ферсман, с раннего детства увлеченный камнем, поступил в Новороссийский университет, чтобы стать минералогом. Но из-за скучных лекций профессора минералогии он решил расстаться с минералогией и заняться историей. Однако в это время его отца перевели по службе в Москву, и Ферсман перешел в Московский университет, где курс минералогии читал Владимир Иванович Вернадский. Его лекции ошеломили Ферсмана. От скучной описательной науки о камнях не осталось и следа. В лекциях Вернадского камни ожили и засверкали. Позже писатель А.Н. Толстой назвал Ферсмана поэтом камня за его чудесные рассказы о минералах, а ведь он вполне мог стать историком, особенно если учесть, что в Московском университете он слушал блестящие лекции по русской истории В.О.Ключевского...

Новый 1956 год Женя Каратыгин предложил встретиться в г. Павловске, в доме некоего Залмана. Этот Залман недавно приехал откуда-то из глубинки и работал помощником мясника. Он хорошо зарабатывал, но ему, как он горько сетовал, не хватало интеллигентного общения, особенно с представительницами прекрасного пола. Поэтому он уговорил Женю привезти к нему на Новый год студенческую компанию. При этом от студентов не требовалось никаких материальных затрат. Все обеспечивал Залман. Женя собрал компанию, в которой состоял и я, а также мой дворовой приятель Володя Еремеев. Правда девушки-студентки наотрез отказались ехать в неизвестный загородный дом, и их пришлось заменить подругами Еремеева — девицами, весьма далекими от студенческой среды. Стол на втором этаже деревянного двухэтажного дома, где жил Залман, ломился от яств. Стояли бутылки с водкой высшего качества, которую я никогда не видел, распластались незнакомые рыбины, на тарелках лежали нарезанные колбаса и сыр, стояли консервы со шпротами, вазы были наполнены фруктами. Для того времени стол был просто роскошный. Студенты сразу набросились на дармовые выпивку и закуску. В результате все сильно опьянели, кому-то стало плохо, и высокий красивый Залман приводил студентов в чувство. Потом он бросил это занятие и перешел к обработке девиц. Чем кончились его потуги, я не видел. Я тоже почувствовал себя нехорошо, и в одной белой рубашке с галстуком выскочил на улицу подышать свежим воздухом. Побыв некоторое время на морозе, я пришел в себя и направился обратно в дом. Но дверь в дом оказалась запертой изнутри. Я стал колотить в дверь и кричать, но ребята меня не слышали, поскольку на втором этаже гремела музыка. Окна первого этажа были затемнены, и оттуда не подавалось никаких признаков жизни. Я начал коченеть. Все-таки дело происходило зимой, кругом лежал снег. Тогда я полез по стене дома и вскоре оказался в открытом окне второго этажа. Утром, когда я вышел из дома, я посмотрел на стену, по которой ночью залез в дом. Стена состояла из гладких плотно пригнанных досок. Ни одного выступа. Как я лез в темноте по этой стене, до сих пор не понимаю...

Во время нашей учебы на втором курсе в жизни страны произошло чрезвычайно важное событие: в феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС. Коммунистам и комсомольцам Горного института зачитали доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». В этом докладе была изложена новая точка зрения на недавнее прошлое страны, с перечислением многочислен-

ных фактов преступлений второй половины 1930-х — начала 1950-х годов, вина за которые возлагалась на Сталина. Была поднята проблема реабилитации партийных и военных деятелей, репрессированных при Сталине.

Во время чтения доклада в конференц-зале стояла белая статуя Сталина в шинели, с рукой, засунутой за ее полу, со слегка опущенной головой. Было ощущение, будто он кается в содеянном. После доклада подавленная толпа молча выходила из зала. Студент нефтяного факультета Миша Судо произнес, указывая на голову Сталина: «Хочется взять кувалду и снести эту голову». А Эдик Будько повторял: «Я не верю, не может этого быть». На следующий день статую куда-то унесли. Доклад произвел огромное впечатление на студентов, все были просто потрясены. Мы долго вспоминали доклад, спорили, одни возмущались сталинскими зверствами, другие не верили, некоторые даже оправдывали Сталина. Однако обсуждения доклада в партийной и комсомольской организациях Горного института не происходило. И в целом по стране не состоялось массового обсуждения доклада Хрущева, за исключением отдельных партийных организаций. В газетах доклад не публиковали, а зачитывали только членам партии и комсомольцам. Поэтому многие жители страны долго ничего толком не знали. Вместе с тем, доклад попал за границу и был опубликован в западной печати. После этого многие коммунисты на западе стали выходить из своих партий. А в Советском Союзе доклад опубликовали только во время перестройки в 1989 г. в журнале «Известия ЦК КПСС».

Были в стране выступления и в защиту Сталина. Так, 2 марта 1956 года в годовщину смерти Сталина тысячи студентов и старшеклассников собрались у памятника Сталину в Тбилиси с требованием «восстановить доброе имя Сталина». Митингующие вышли с лозунгами «Долой Хрущева, Микояна, Булганина». После трехдневного траура по всей Грузии прокатилась волна многотысячных митингов и манифестаций. Демонстранты окружили здание ЦК компартии Грузии и требовали, чтобы вышел первый секретарь Мжаванадзе и разъяснил, что же говорилось на съезде о Сталине. Но так и не дождалось. Волнения продолжались несколько дней. А 9 марта в Тбилиси вошли войска, обстреляли и разогнали танками безоружных людей. Десятки человек были убиты, сотни ранены...

В то время в институт стали возвращаться из мест заключения репрессированные ранее преподаватели Горного института. Заведующий кафедрой высшей математики Андрей Митрофанович Журавский. В 1942 г. его арестовали. Во время допросов жестоко избивали и принуждали к подписанию протоколов с ложными данными. Военным трибуналом Ленинградского фронта был приговорен к расстрелу, который потом заменили 10 годами исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Его этапировали в Усольлаг, потом перевели в Ленинградские «кресты», где он работал руководителем группы и написал 30 научных статей и отчетов, в т.ч., по теории тепловых расчетов орудийных стволов. В 1952 г. по окончании срока заключения был выслан в Сыктывкар. В 1955 г. реабилитирован и вернулся в Ленинградский горный институт, где его назначили заведующим кафедрой высшей математики. Журавский разрабатывал применение математических методов в геофизике. В последний период своей жизни организовал при Горном

институте общегородской семинар по теории вероятностей, которая в те годы пользовалась огромной популярностью в самых различных областях знаний. Скончался А.М. Журавский в 1969 г.

Возвратился заведующий кафедрой «Тектоники и структурной геологии» Михаил Михайлович Тетяев. Когда-то, в 1901 г. поступил в Санкт-Петербургский Горный институт, но в 1902 г. был уволен из института и сдан в солдаты. Осенью вернулся, но в 1903 г. его снова исключили без права повторного поступления. Учился в Бельгии, где закончил техническое отделение Льежского университета с дипломом горного инженера (1911). После окончания Льежского университета защитил диссертацию по палеозойским образованиям Европейской России и получил ученое звание геолога. Женится на французке и уехал в Россию, где работал в Геологическом комитете. Занимался исследованиями Прибайкалья и Забайкалья. С 1930 г. — профессор ЛГИ и ЛГУ.

В ноябре 1948 года был награжден орденом Ленина, а в июне 1949 г. его арестовали. Приговорен к заключению в исправительно-трудовых лагерях на 25 лет. В лагере работал геологом, был главным геологом Енисейстроя.

Сидел он по так называемому «делу геологов», или еще называли «Красноярскому делу». Только в отличие от дела врачей, о «преступлениях» которых рассказывали все газеты и радио, дело о «вредительстве» в геологии было строго засекречено. Никаких сообщений об этом ни в печать, ни на радио не поступало. Началось все в марте 1949 года. Геологи обвинялись в «подрыве государственной промышленности», в «сокрытии богатых месторождений», в «саботаже». Эти дикие обвинения, сочиненные по лживым доносам нескольких работников геологических организаций и газетных корреспондентов, послужили основанием для репрессий в отношении сотен геологов, начиная от министра геологии И.И. Малышева и кончая рядовыми геологами. О «деле геологов» тогдашний министр безопасности Абакумов докладывал руководству партии. Он хвастался тем, как много «вредителей»-геологов вверенные ему органы отправили за решетку. Даже Сталин не выдержал и сказал: «Абакумов, не очень-то увлекайся арестами геологов, а то и разведку недр некому будет вести». В конце концов, все геологи были реабилитированы. Но это произошло лишь после смерти Сталина. Причем немало геологов реабилитировали посмертно.

М.М. Тетяев был реабилитирован 31 марта 1954 г. Когда-то блестящий профессор Тетяев вернулся через четыре года в родной институт сломленным, уставшим от переживаний, лишенным своей прежней импозантности. Он был восстановлен в правах, в должности декана, вновь стал заведующим кафедрой, но это уже был другой человек. Вскоре он умер (1956).

Вернулся из заключения в Норильске крупнейший никельщик Михаил Николаевич Годлевский. После окончания Горного института, с 1930 по 1940 г.г. работал на кафедре минералогии Горного института, затем во ВСЕГЕИ (1940-1941). Воевал на Ленинградском фронте, попал в плен, где находился до 1944 г. Освобдившись из плена, был возвращен в армию и воевал на немецкой территории, а в 1945 г. был назначен комендантом Цейсовского завода в Иене. По окончании войны вернулся во ВСЕГЕИ. В первый день работы был арестован в здании ВСЕГЕИ и приговорен к 10 годам

лагерей с последующим поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. В заключении находился в Норильском лагере. Реабилитирован в ноябре 1956 г. Работал в Горном институте и ВСЕГЕИ. Затем, с 1961 по 1984 г. трудился в Сибирском отделении АН СССР.

Конечно, после войны сажали меньше народу, чем в довоенные годы, когда волна репрессий захватила Горный институт. Тогда были арестованы крупный ученый, бывший директор Горного института и Геологического комитета Д.И. Мушкетов, заведующие кафедрами: минералогии — В.В. Черных, кристаллографии — А.К. Болдырев, палеонтологии — В.Ю. Черкесов, гидрогеологии — П.И. Бутов, гидрогеологии и инженерной геологии Н.В. Бобков; палеонтолог, геолог-стратиграф Г.Н. Фредерикс и другие.

На арест выдающегося ученого Дмитрия Ивановича Мушкетова тогдашний нарком внутренних дел Ежов получил согласие непосредственно Сталина, которого поддержали Молотов, Ворошилов и Каганович. В своем «Спецсообщении о ликвидации фашистской организации», направленном Сталину, Ежов так охарактеризовал Д.И. Мушкетова: «профессор ленинградского горного института, руководитель фашистской группы организации, руководитель вредительско-террористической деятельности данной группы». Перед арестом Д.И. Мушкетов занимался подготовкой XVII Международного геологического конгресса, который состоялся в Москве летом 1937 года без его участия.

Д.И. Мушкетов, В.Ю. Черкесов, Н.В. Бобков и Г.Н. Фредерикс были расстреляны в Ленинграде одновременно, в феврале 1938 года. П.И. Бутова расстреляли в Оренбурге в 1939 году. В.В. Черных расстрелян в 1941 году в Орловской тюрьме перед тем, как фашисты вошли в город. А.К. Болдырев трагически погиб на Колыме в 1946 году — машина, в которой он ехал, провалилась под лед залива. Шофер утонул, а ему удалось выбраться из машины, но было суждено замерзнуть на берегу в нескольких сотнях метров от жилого пос. Ола.

Атмосфера страха и подозрительности охватила Горный институт, также как и всю страну. Но все равно продолжался учебный процесс, велась интенсивная научная работа. Место одного сгинувшего преподавателя заменял другой. Хотя это было, как правило, нелегко. Например, после того, как в 1935 году органы НКВД арестовали заведующего кафедрой гидрогеологии П.И. Бутова, оказалось, что из числа сотрудников кафедры некого поставить на его место. Тогда было принято решение объединить кафедру гидрогеологии и инженерной геологии, а возглавить объединенную кафедру поручили заведующему кафедрой инженерной геологии Н.В. Бобкову. Но в 1937 году его постигла участь предшественника. Встал вопрос, что делать дальше. Декан геологоразведочного факультета М.М. Тетяев предложил на это место доцента Н.И. Толстихина. Но его отец, бывший наказной атаман и казачий генерал, был расстрелян еще в 1922 году. И хотя говорилось что «сын за отца не отвечает», в жизни все происходило наоборот. И Нестору Ивановичу не следовало привлекать к себе внимания. Но поскольку стоял вопрос о существовании кафедры, он проявил мужество и согласился на предложение Тетяева.

Несмотря на чистки, в Горном институте продолжали работать ученые, благодаря которым институт смог сохранить свой высокий научный авторитет: А.П. Герман,

Н.Г. Келль, Д.В. Наливкин, Е.О. Погребницкий, И.И. Шафрановский, Л.Я. Нестеров и другие.

А.П. Герман был легендарной личностью. По институту ходили рассказы о дуэли студентов дореволюционного Горного института Александра Германа и барона Петра Врангеля, которая возникла из-за актрисы Александринского театра, первой красавицы Санкт-Петербурга Елизаветы Тимме — дочери профессора Горного института. Дуэль, к счастью, окончилась бескровно. Еще рассказывали, что красивейший, с резьбой по дереву рояль, стоявший в конференц-зале, является подарком Германа (а может быть Врангеля) актрисе Тимме. После окончания Горного института Герман и Врангель пошли разными путями.

Петр Николаевич Врангель окончил Горный институт в 1901 году с золотой медалью. В институте особой любовью у него пользовалась минералогия. После окончания института он проходил обязательную воинскую повинность, хотя статус горного инженера позволял ему не служить в армии. Когда началась Русско-японская война, он добровольно принял в ней участие и остался служить в армии. Закончил Академию генерального штаба. В Первую мировую войну стал первым русским офицером, награжденным Георгиевским крестом. К началу Февральской революции дослужился до генерала.

К концу Гражданской войны стал командующим Русской армией. Он принял командование, когда положение армии было безнадежным. Союзники отказались помогать белому движению и предложили вести переговоры с Советской властью о капитуляции. В 1920 году войска Врангеля были разбиты в Крыму Красной армией под командованием М.В. Фрунзе, и Врангель вместе со своей армией на кораблях Черноморского флота покинул Россию. Всего ему удалось вывезти из Крыма около 145000 человек, включая гражданских лиц и детей. В своей книге «Другие берега» Владимир Набоков описывает, как в то время он вместе со своей семьей на небольшом греческом судне «Надежда» покидал севастопольскую бухту: «порт уже был захвачен большевиками, и звук беспорядочной стрельбы был последним звуком России...»

Учитывая трудности и лишения, которые придется терпеть Русской армии, Врангель разрешил желающим остаться в Крыму. Тем, кто не покинул Россию, Фрунзе в своих листовках обещал сохранить жизнь. Однако «для наведения порядка» в Крым прибыли с большими полномочиями Розалия Землячка и Бела Кун. Они издали приказ, согласно которому, все бывшие врангелевцы должны явиться на регистрацию, не явившимся грозил расстрел. Но и все, кто послушно зарегистрировался, были расстреляны. При этом уничтожили многих гражданских лиц, работавших при Врангеле в различных учреждениях. Поэт Максимилиан Волошин писал своему другу К.В. Кандаурову в июле 1922 года, что «за первую зиму было расстреляно 96 тысяч — на 800 тысяч всего населения...».

В армии Врангеля в составе юнкерского полка воевал будущий советский «атомный» академик, трижды Герой социалистического труда А.П. Александров. Он остался в Крыму и ему удалось уцелеть. Берия знал о прошлом Александрова и в ходе осуществления советского атомного проекта оберегал его, также как и других ученых-ядерщиков, от репрессий. Сам Берия во время Граждан-

ской войны служил в мусавитистской контрразведке, как будто по заданию закавказских большевиков.

Впоследствии А.Е. Солженицын назвал Землячку «красной фурией». Как и многие большевистские палачи, она с почетом захоронена в кремлевской стене. А Бела Куна в 1938 году расстреляли его единомышленники, которым он так верно служил. Расстрелу предшествовали жестокие пытки, поэтому он признал себя «виновным». Накануне ареста он редактировал книгу стихов своего любимого венгерского поэта Шандора Петефи...

Скончался Врангель в Брюсселе в 1928 году после тяжелого заболевания гриппом, похоронен в Белграде. Король Югославии Александр устроил ему государственные похороны с воинскими почестями, ружейным и артиллерийским салютом, при огромном стечении сослуживцев Врангеля в военной форме и военнослужащих югославской армии. Захоронен Врангель в церкви Святой Троицы в центре Белграда. Во времена Тито настоятель Храма прикрыв гробницу, на которой была короткая надпись «Генерал Врангель», картиной-иконой «Суд Пилата». Ее убрали в 1968 году...

Александр Петрович Герман окончил Горный институт в 1903 году. Ранее окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского Университета. С 1907 года преподавал в Горном институте, с 1914 года — профессор. С 1939 года — академик АН СССР. Один из основоположников горной механики. Про него в студенческой среде ходило немало легенд, помимо истории дуэли с Врангелем. Рассказывали, что он жил один. Хозяйство вела домработница. Когда началась война, Герман женился на своей домработнице. Иначе бы ее не взяли в самолет, эвакуировавший ученых Горного института вместе с семьями. Иными словами, он спас женщину. Прилетев в Пятигорск, куда первоначально эвакуировали Горный институт, Герман развелся. Вскоре в Пятигорск вошли немцы и предложили Герману — ученому с мировым именем — сотрудничество. Герман обещал подумать. Когда немцы пришли к нему снова, вышла домработница и сообщила, что академик не может их принять ввиду занятости работой.

После войны Герман занимал должность заместителя директора института, и к нему на прием однажды пришел студент, проживавший в общежитии на Малом проспекте, дом 40. После беседы Герман попросил студента передать письмо коменданту общежития. Будучи интеллигентным человеком, Герман, естественно, не заклеил конверт. Студент правил приличий не соблюдал и решил посмотреть, что находится в конверте. Оказалось, докладная записка Герману от коменданта общежития. В докладной сообщалось, что в 12 часов ночи комендант зашел в комнату, где проживают студенты Н. и М. Студент Н. возлежал на кровати с девицей, а студент М. спал носом к стенке. Вывод гласил: в общежитии процветает проституция, необходимо принять меры. Резолюция Германа состояла из трех пунктов. Первое: проституция в СССР ликвидирована в 1917 году. Второе: неприлично заходить в комнату в 12 часов ночи без стука и разрешения. Третье: выразите мое сочувствие студенту М. Подпись: Герман. Эта история быстро разлетелась по институту к великой радости студентов...

На втором курсе я занимался значительно больше, чем в первый год учебы. Но при этом почему-то появилось свободное время. Я ходил в театры, на концерты,

в музей. Полюбил Эрмитаж, в котором чаще всего посещал зал французских художников-импрессионистов, и Русский музей, где меня особенно привлекали работы Врубеля, Борисова-Мусатова, Нестерова. Начал собирать репродукции картин. Как радостно было через много лет увидеть в крупнейших музеях Европы картины, с которыми я познакомился в юные годы по репродукциям.

Однажды профессор С.П. Соловьев, преподававший нам петрографию, посоветовал сходить в Эрмитаж на первую в Советском Союзе выставку художника Пабло Пикассо, которая открылась 1 декабря 1956г. Соловьев считался большим знатоком Эрмитажа. Для студентов специальности РМ (разведка месторождений полезных ископаемых) он устраивал интересные экскурсии по Эрмитажу. Рассказывал о многочисленных экспонатах, изготовленных из самоцветов: малахита, яшмы, лазурита, родонита, порфирита и других минералов и горных пород. К сожалению, нефтяников он туда не водил. На первом практическом занятии по петрографии он спросил, кем мне приходится знаменитый геолог А.Д. Архангельский. Я ответил, что не имею к нему никакого отношения. Тогда ребята стали дружно уверять преподавателя, что имею самое прямое отношение, но из-за своей скромности не признаюсь в этом. Соловьев поверил им и относился ко мне чересчур благосклонно. Даже как-то подошел ко мне и поправил воротничок белой рубашки. Сам он одевался очень аккуратно. Всегда в накрахмаленной белой рубашке с аккуратно повязанным галстуком, строгом отутюженном костюме, начищенной обуви. На экзамене по петрографии он дал Володе Соскину для определения какую-то невыразительную породу черного цвета, которую тот не смог определить. А передо мной Соловьев выложил образец известняка-ракушняка, состоящего из сцементированных ракушек. Название этой породы мог бы установить и человек, не имеющий отношения к геологии. Соскин ворчал, что Архангельскому, как «родственнику» известного геолога, по блату дали ракушняк, а ему что-то неопределимое...

Чтобы попасть на выставку Пикассо, пришлось выстоять огромную очередь. Художник писал абстрактные картины, а в Советском Союзе абстрактное искусство было практически запрещено. Но для Пикассо — известного борца за мир, члена французской компартии, сделали исключение. На выставке разгорались жаркие споры сторонников и противников абстрактного искусства. Работники Эрмитажа избегали давать какие-либо пояснения. С одной стороны, надо отстаивать социалистический реализм, которому глубоко чуждо абстрактное искусство, а с другой — выставка открылась по распоряжению свыше. Поэтому они просто прятались. Я, конечно, выступал в защиту абстрактного искусства, хотя ничего в нем не понимал, да и сейчас не очень разбираюсь.

Позже я попросил рассказать об абстрактной живописи своего двоюродного брата Олега Савельева. Он окончил Саратовское художественное училище, а теперь учился в Ленинградской Академии художеств (институт им. Репина) на архитектурном факультете. Он мне ничего не стал рассказывать, а пригласил к себе в общежитие, где на стенах огромной комнаты, в которой жили студенты, я увидел совершенно необычные кар-

тины, явно не имеющие ничего общего с социалистическим реализмом. В это время в комнату вошла группа эстонских студентов, приехавших в Ленинград на зимние каникулы. Они увидели картины и заплотировали. Потом достали фотоаппараты и начали их фотографировать. Я больше не расспрашивал Олега, а стал всматриваться в картины и думать, о чем же они?..

А в Горном институте на специальности «разведка месторождений» курсом младше нас учился Яков Виньковецкий, прекрасно разбирающийся в абстрактной живописи. Яша окончил 203 школу им. А.С. Грибоедова, в которой учился и я. Он не только понимал абстрактную живопись, но и сам писал абстрактные картины. Об его увлечении узнали в парткоме и комитете комсомола института. Начались гонения. Однако они воспринимались скорее со смехом, чем с возмущением. Так, один из комсомольских вожakov института кричал с трибуны, что этот, с позволения сказать товарищ (Виньковецкий), «внес свою лепту в ряд чуждых нам абстракционистов — Сезанна, Ван-Гога, Дега, Гогена и прочих Малевичей и Кандинских»...

Во время учебы в институте он занимался не только абстрактной живописью. Будучи участником Литературного объединения (ЛИТО), писал стихи. Ходил в спортивный клуб, где на борцовском ковре познакомился с будущим писателем Андреем Битовым и привел его в ЛИТО. В своей книге «Неизбежность ненаписанного» Андрей Битов описал свое вступление в литературу:

«...в октябре 1956 года, подталкиваемый в спину Я.А. Виньковецким (1938–1984), я вошел в аудиторию Горного института, где заседало литобъединение, руководимое Г.С. Семеновым (1918–1982), и мне там так понравилось, что на вопрос, что я пишу, испугавшись ответить, что ничего, я прочитал два стихотворения своего старшего брата Олега, таким образом, начав свой путь как профессионал, не написав еще ни строчки, — с плагиата...»

Яков был разносторонне развитым человеком. Одним из первых в стране начал заниматься применением математических методов в геологии. Опубликовал немало интересных научных работ, в том числе, философского характера.

После окончания института он продолжал заниматься абстрактной живописью. Но выставиться удалось только три раза. И после каждой выставки следовали доносы в соответствующие органы. Он находился под пристальным вниманием КГБ и в конечном итоге вынужден был уехать за рубеж. В США он работал в нефтяном научно-исследовательском институте фирмы «Эксон», где быстро завоевал высокий научный авторитет. Продолжал заниматься живописью. В США и других странах состоялось 45 выставок работ Якова Виньковецкого. К тому же он был очень чутким и добрым человеком. К окружающим людям он всегда относился с любовью и уважением, отдавал им тепло своей души, помогал, чем мог. А в ответ нередко получал зло. «Наша цивилизация не готова для таких людей» — говорил Юз Алешковский.

В 1984 году Яков Виньковецкий трагически погиб. Его смерть потрясла многих. Михаил Шемякин написал картину, передающую весь ужас происшедшего. Свои стихи посвятили ему Дмитрий Бобышев, Александр Гордницкий, Яков Гордин. Кинорежиссер Евгений По-

ротом создал фильм о творчестве Якова Виньковецкого, названный «Окна в пространства света»...

В институте фирмы «Эксон» вместе с Яковом работали его бывшие соотечественники, как правило, талантливые ученые. Среди них трудился Георгий Миркин, -когда-то мой однокурсник по нефтяному факультету. Окончив институт, он работал в нефтяном институте (ВНИГРИ). Жора постоянно что-то изобретал и открывал. Однажды он пришел в НПО «Севзапгеология» к нашему бывшему однокурснику Вадиму Дроздику, который в то время занимал в НПО должность секретаря парткома. Жора сообщил ему, что, изучая американские карты космической съемки, он открыл месторождения алмазов на Северо-Западе СССР. Вадим отвел Жору к главному геологу объединения, которому он все объяснил, и главный геолог подтвердил обоснованность доводов Миркина. Однако открытие Миркина оставили без внимания. Вскоре, когда Жора уже уехал в США, появилось сообщение, что под Архангельском открыто месторождение алмазов и ведется их промышленная добыча. Жора пытался получить какую-нибудь компенсацию, но из этого ничего не вышло. А в настоящее время ведутся поиски алмазов в Ленинградской области и в Карелии. Так что, прогнозы Жоры полностью оправдались. Хотя алмазы на Северо-Западе искали и раньше.

Работая в «Эксоне», Жора продолжал изобретать. Так, он изобрел прибор для прозвучивания илов. Название прибора состояло из двух слов — английского «mud» (ил, грязь) и русского «звон». В русском варианте получилось «Мадозвон», потом это название трансформировалось в «Мудозвон Миркина». Так оно и было запатентовано...

На нефтяном факультете с нами учился способный студент Вадим Чудинский. Высокий, красивый brunet. В своей дальнейшей жизни я периодически встречал его, и каждый раз он меня сильно удивлял. Он жил в полном соответствии со своей фамилией. После окончания Горного института работал там же, где и Жора Миркин — во ВНИГРИ. По ночам подрабатывал, устроившись сторожем. Саша Никольский, наш бывший однокурсник, рассказывал мне, как он справлял свою свадьбу в Москве, поскольку его невеста была москвичкой, и вдруг на свадьбе неожиданно появился Чудинский. Как он узнал про Сашину свадьбу в Москве и адрес, непонятно. Потом он поступил на математический факультет Университета и окончил его. Однажды я ждал около школы свою дочку, которая училась тогда в четвертом классе. Это было в 1974 году. И вдруг из школы выходит Чудинский. Оказывается, он преподавал в этой школе математику. Я поинтересовался, какие оценки он ставит детям. Вадим выразил мнение, что у настоящего педагога ученики получают только хорошие оценки, а поскольку он не настоящий учитель, то у него есть и плохие ученики. Через несколько лет я встретил его на улице, и он мне сообщил, что недавно вернулся из похода. Он один, на байдарке проплыл 200 км по Северной Двине. Вначале с ним плыл напарник, но не выдержал тягот путешествия и сошел на берег. В походе Вадим наткнулся на геологическое обнажение с редкими образцами ископаемых окаменелостей. Потом он специально приезжал на это обнажение и выколачивал образцы окаменелостей. Я спросил Вадима, зачем ему понадобилось это путешествие уже в немолодом воз-

расте. Он ответил, что хотел испытать себя. Это желание мне знакомо.

Еще через несколько лет я увидел Вадима в Озерках на кольце трамвая № 55 с бензокосилкой в руках, — он косил траву на газоне. Потом я столкнулся с ним около Невского рынка, где он работал грузчиком — таскал какие-то ящики. Последний раз я встретил его около станции метро «Политехнический институт». Он устанавливал крест на куполе обновленного Храма Покрова Божией Матери. Церковь была построена при Политехническом институте в 1914 году. В 1924 году церковь закрыли и передали под клуб института. Позже здесь разместилась военная кафедра Политехнического института. Много лет в купол упиралась ракетная установка. В 1992 году Храм возвратили верующим. И вот Вадим установил на куполе крест. Больше я его не видел. В 1998 году он уехал на постоянное жительство в Германию...

На втором курсе мы изучали палеонтологию. Читал этот предмет Борис Васильевич Наливкин. Палеонтология требовала систематических занятий. Мы должны были уверенно определять множество ископаемых окаменелостей, запоминать их латинские названия и периоды жизни. Чтобы лучше запомнить эти сведения, студенты сочиняли стишки с нелепым текстом, типа «от силура до девона жил пентамерус зеленый; по берегу оболус бродил, жил кембрий-три, силур-один; от силура до девона жила-была сирингопора и т.д.» Чем глупей был текст, тем легче он запоминался. Мне было легче, чем другим студентам. В школе я три года изучал латынь, которую преподавал нам замечательный латинист Садье Александрович Шубик. Правда, на уроках я вел себя безобразно и постоянно выкрикивал пушкинские строки «...латынь из моды вышла ныне», о чем впоследствии сильно сожалел.

Изучение палеонтологии будило фантазию. В воображении возникали фантастические животные из прошлого. Космос казался населенным необыкновенными существами. Недаром известный палеонтолог Иван Антонович Ефремов, уроженец памятного мне пос. Вырица Ленинградской области, окончивший Ленинградский горный институт, стал нашим любимым писателем-фантастом. В 1957 году вышла его книга «Туманность Андромеды», а потом мы зачитывались и другими его увлекательными произведениями. Роман «Час быка», вышедший в конце 1960 года, был воспринят идеологами страны, как карикатура на СССР. Но это был примитивный взгляд. Книгу изъяли из библиотек, запретили переиздание. Гонения подорвали здоровье писателя. После смерти Ефремова на его квартиру приходили с обысками сотрудники КГБ. Его обвиняли в принадлежности к английской разведке. Через два года это обвинение сняли...

Когда мы изучали моллюсков, Борис Васильевич поведал нам о том, как следует употреблять устриц: «Надо взять раковину с устрицей и надрезать мускул, соединяющий створки раковины, а затем из раскрывшейся раковины втянуть в себя устрицу и проглотить». Я в своей жизни так и не попробовал устриц, хотя не раз доставал их с морского дна. Уж больно не хотелось глотать их живьем.

Брат Бориса Васильевича — Дмитрий Васильевич Наливкин был знаменитым геологом и палеонтологом. Он окончил Горный институт еще до революции —

в 1915 году. При этом затратил на учебу почти 12 лет, поскольку постоянно отправлялся в длительные экспедиции, так как он нуждался в средствах для существования. Всего через пять лет после окончания института он стал профессором. Во время Великой Отечественной войны он открыл на Урале крупное месторождение бокситов — сырье для производства алюминия, который применялся в авиационной промышленности. За открытие он получил Сталинскую премию. В 1957 году за создание геологической карты СССР ему была присуждена Ленинская премия, а в 1963 году ему присвоили звание Героя социалистического труда.

Д.В. Наливкин был не только замечательным ученым, но и высоко нравственным человеком. Когда в предвоенные годы органы НКВД арестовали, а затем расстреляли заведующего кафедрой палеонтологии В.Ю. Черкесова, а его жену Е.В. Черкесову отправили в лагерь, Дмитрий Васильевич воспитывал их детей...

Как-то Дмитрий Васильевич зашел к нам на экзамен по палеонтологии. В это время Борис Васильевич с трудом вытягивал палеонтологические знания из студента, который краснел, обливался потом, но никак не мог определить предложенные ему образцы окаменелостей. Тогда Дмитрий Васильевич, обратившись к брату, сказал: «Боря, зачем ты мучаешь парня, поставь ему хорошую оценку и отпусти с богом!». Борис Васильевич возмутился: «Дима, прошу не мешать мне!». Дмитрий Васильевич продолжал настаивать на гуманном отношении к студенту. В конце концов, Борис Васильевич попросил брата покинуть аудиторию. Смеясь, Дмитрий Васильевич вышел...

В стихотворении «Комаровское кладбище» А. Городницкий написал о братьях Наливкиных:

Густая ель склоняет ветки вниз
Над молотком меж строчек золоченных.
Спят рядом два геолога ученых —
Наливкины — Димитрий и Борис.
Мне вдруг Нева привидится вдали
За окнами и краны на причале.
Когда-то братья в Горном нам читали
Курс лекций по истории Земли:
«Бесследно литосферная плита
Уходит вниз, хребты и скалы сгрудив.
Все временно — рептилии и люди.
Что раньше них и после? — Пустота».

(А. Городницкий, 1985г.)

Одним из развлечений в институте являлись студенческие балы, или, как тогда их называли — вечера. Они проводились на первом этаже института в портретной галерее, иногда снимался зал в каком-нибудь рабочем клубе или школе. Однажды в портретной галерее на вечере играл студенческий оркестр из Свердловского горного института. Обычно же на вечер приглашали модные среди молодежи оркестры, не признанные официальными органами культуры. Чаще всего это был оркестр под управлением молодого композитора Станислава Пожлакова. Позже он приобрел широкую известность. На вечерах звучала джазовая музыка, хотя слово «джаз» находилось под запретом. Играющие на вечерах оркестры называли эстрадными, или оркестрами легкой музыки. На вечерах ведущий объявлял медленный или быстрый

танцы — некое подобие танго и фокстрота. В то время появился рок-н-ролл. Этот танец был запрещен категорически, хотя оркестр изредка исполнял очень популярный в то время «rock around the clock» (рок вокруг часов). Тогда появлялись пары, исполняющие рок-н-ролл под восхищенные возгласы студентов. Однако прибегали дружинники и выводили крамольных танцоров из зала.

Иногда на стенах помещения, в котором проводились вечера, развешивали плакаты самого разного содержания. На одном из вечеров висел плакат:

Прошу надеть на вилку снесь
и на секунду замереть.
В Москве прошел Двадцатый съезд.
Пусть каждый выпьет и заест.

Вечер стал предметом обсуждения на заседании парткома института. Допрашивали многих институтских поэтов. Искали, кто посмел смеяться над съездом партии. Установили, что это был отрывок из веселой пьесы в стихах Агеева и Тарутина. О событиях тех лет в записной книжке Олега Тарутина сохранилась запись:

Был Агей — поэт крамольный,
На беседу вызван в Смольный.
Предлагали встречу эту
И Тарутину — поэту.
Но не прельстились встречей сей
Ни Тарутин, ни Агей.

Одним из организаторов горняцких вечеров был студент горного факультета Миша Морейдо. Впоследствии он бросил свою горняцкую профессию и стал театральным постановщиком. Работал в московских театрах, а затем уехал на Камчатку и там трагически погиб при невыясненных обстоятельствах. В организации вечеров участвовал и студент нашей группы Юра Гольдберг, живущий ныне в Канаде. Он рассказывал мне, как где-то в туалете отсчитывал рубли некоему Додиду за оркестр Пожлакова. Додик жаловался, что ему деньги девать некуда — завалена вся комната. Писатель Василий Аксенов описал горняцкий вечер в романе «Ожог», где обозвал студентов-горняков пьяницами.

С годами партийно-комсомольский контроль за проведением вечеров ослаб. Тем не менее, когда на одном из вечеров был объявлен конкурс латиноамериканских танцев, и студентка нефтяного факультета Наташа Коварская лихо отплясывала бразильскую самбу, ее, как секретаря курсового бюро комсомола, буквально на следующий день вызвали в Смольный, в обком комсомола. Вместе с ней вызвали главного редактора стенгазеты «Нефтяник» Жору Миркина, поскольку в стенгазете имелись крамольные шаржи и карикатуры. В обкоме комсомола потребовали, чтобы они выложили свои комсомольские билеты, на что студенты ответили, что вопрос об исключении решает комсомольское собрание. На этом все и закончилось...

Экзаменационная весенняя сессия второго курса состоялась в мае-июне 1956г. В это время в Москву приехал президент Югославии Иосип Броз Тито. После довольно длительного периода отчуждения происходила нормализация отношений Югославии и Советского Союза. Из Москвы Тито выехал в Ленинград. Еще со-

всем недавно Тито называли агентом американского империализма, изображали на карикатурах со страшным лицом, с окровавленным топором в руках. А теперь он стал, как сказал Н.С. Хрущев, «Дорогой товарищ Тито». В ходу были стишки:

Дорогой товарищ Тито!
Ты ни в чем не виноват,
Так сказал Хрущев Никита-
Наш верховный депутат...

В день приезда Тито в Ленинград мы с Володей Соскиным стояли с учебниками в руках на углу Невского и ул. Бродского (ныне Михайловская) около гостиницы «Европейская». Вдруг недалеко от нас остановились две черные машины. Из первой машины вышли двое невысоких мужчин, одетых в светлые костюмы из хорошего материала, и направились по тротуару прямо на нас. Из второй машины вышел высокий представительный военный в красивой иностранной форме и остановился рядом с тротуаром. Вокруг раздались крики: «Тито, Тито!», и люди бросились к военному. А мы с Володей оказались на пути у двух невысоких мужчин, которые вплотную подошли к нам и остановились. Вдруг Володя ткнул пальцем в живот одного из них и громко и насмешливо произнес: «Смотри, Никита!», имея в виду Хрущева. Я внутренне вздрогнул. Ждал, что сейчас нас скрутят и куда-нибудь отволокут. Но нас никто не схватил, и это был не Хрущев, а Булганин — председатель Совета министров СССР, тоже невысокого роста и округлый, как Хрущев. Второй мужчина оказался Тито. Поскольку мы мешали вождям пройти, они обошли нас и сошли с тротуара на мостовую. В это время люди разобрались, где настоящий Тито, и окружили Тито и Булганина. Тот поднял в приветствии руку. Любопытная толпа напирала, и его нечаянно толкнули в спину. Булганин с трудом удержался на ногах. Но подбежали милиционеры, растолкали народ, взяли Тито и Булганина в кольцо, и те спокойно пошли по середине Невского проспекта, приветствуя ленинградцев. Когда я через много лет рассказывал об этом случае своим знакомым, некоторые не верили. Меня спрашивали: «А где же была правительственная охрана?». Удивительно, но никакой охраны я не видел. Очевидно, охрана была не готова к тому, что вожди выйдут из машины и пойдут общаться с народом, и где-нибудь замешкалась. С той поры руководители страны не ходили среди народа по Невскому проспекту. И лишь в конце восьмидесятых годов Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев вышел из машины и пошел по площади Восстания, беседуя с ленинградцами...

После окончания экзаменационной сессии мы поехали в Крым на учебную практику по геологической съемке. Прямого билета до Симферополя достать не удалось. Доехали только до Москвы. Наш поезд из Москвы на Симферополь уходил лишь утром следующего дня. Поэтому мы с ребятами долго гуляли по Москве, а вечером зашли в ресторан «Баку». Сидели там до закрытия, ели шашлык, пили вино, потом вышли на бульвар, легли на скамейки и накрылись газетами. Так в Советском Союзе обычно изображали бездомных американских безработных, и мы решили побывать на их месте. Погода стояла теплая, мы быстро уснули. Под утро нас рас-

толкал милиционер, стал расспрашивать, кто мы такие, почему спим на скамейках. Мы объяснили, что студенты, едем на практику в Крым. Он недоуменно спросил, какая может быть практика в Кремле? Снова объяснили, что едем в Крым, а не в Кремль. Он отошел. Потом мы сели на поезд и благополучно прибыли в Симферополь, а оттуда добрались до базы Горного института, расположенной недалеко от села Партизанское, которое до войны называлось Саблы. Там, на пологом склоне холма был устроен палаточный лагерь. Спали на матрацах, набитых соломой и уложенных прямо на земле. Каждый день с раннего утра, вооружившись геологическими молотками, мы уходили в поле на съемку. Карабкались на куэсту, сложенную мергелями (куэста — форма рельефа в виде гряды с ассиметричными склонами: крутым, срезающим толщу пород, и пологим, отвечающим направлению падения пластов пород). Отбивали молотком образцы горных пород, выколачивали фауну и несли ее на опознание, если сами не могли определить, к преподавателю палеонтологии Б.В.Наливкину.

В одной палатке со мной жили два китайских студента — Цуй Куэнь и Цай Эрфань. Это были исключительно старательные и добросовестные студенты. Вечером, придя в палатку, они брали в руки учебники и пытались запомнить трудные для них геологические названия. Однажды Цай Эрфань так и заснул с книгой в руках. И вдруг во сне он заговорил: «Апт, альб, готерив, баррем, Соскин». Это он произносил названия ярусов нижнего отдела меловой системы. Понятно, что человек заучился. Но причем тут Соскин?

В студенческой песне о Крымской практике звучал нелестный отзыв о той местности, на которой мы выполняли съемку: «Там только таврика и мергеля, в колочках острых вся земля...» Действительно, колочек там хватало. Но какое это имело значение? Главное, что нас окружали горы. Воздух был напоен непередаваемым ароматом, который бывает только на юге. В долинах плодоносили фруктовые сады, иногда незаконно посещаемые нами (однажды меня застал сидящим на плодовом дереве сторож, — как оказалось, бывший труженик блокадного Ленинграда, которому врачи порекомендовали по состоянию здоровья жить в Крыму). Вдоль дорог тянулись вверх пирамидальные тополя. Вечно голубое небо. Дождь — большая редкость. Правда, во время дождя и после его окончания нам приходилось прорывать вокруг палаток водоотводящие каналы, иначе пришлось бы спать на мокрых матрацах.

Питались мы только утром и в обед, также как и в Вышегороде, поэтому вечером очень хотелось есть. Пищу мы заменяли хоровым пением. Одной из любимых была песня о первобытных людях на мелодию «В этот вечер танцев карнавала...», в которой очень актуально звучали слова:

Жрать захочешь — придешь,
И пещеру найдешь,
Хобот мамонта мне принесешь...

Однажды мы увидели бегущую собаку, которая держала в зубах круг копченой колбасы. Очевидно, кто-то спрятал колбасу в палатке, но собака почуяла колбасу, залезла под полог и украла её. Один из студентов — спортсмен-разрядник по бегу на короткие дистанции —

быстро догнал собаку. Мы отобрали у нее колбасу и съели, оставив собаке маленький кусочек, который она держала в зубах. Собака долго жалобно скулила...

Вместе с нами практику проходила студентка Лайма, приехавшая в Ленинград из Риги. Высокая, крупная, светловолосая девушка. По характеру добрая, очень спокойная. Володя Соскин ее постоянно поддразнивал словами: «Лайма, ты нам должна быть благодарна за то, что мы тебя освободили...». Лайма на эти шутки никак не реагировала.

Если честно признаться, то Лайма мне нравилась, но я стеснялся к ней подойти. Слишком отличались наши габариты. Это теперь молодых людей не смущает, если девушки выше их ростом, некоторые даже гордятся этим. А раньше над низкорослым кавалером смеялись. Помню, один студент рассказывал о женитьбе своего друга: «Представляешь, его жена на три года старше и на два метра выше, вот умора!» ...

В заключение Крымской практики мы побывали на Камыш-Бурунском железорудном комбинате под Керчью, где познакомились с работой огромных карьеров, обогатительной и агломерационной фабрики. Около фабрики мы видели отвалы обогащенной железной руды. Через несколько лет я неожиданно обнаружил груды этой руды далеко на севере, на берегу Баренцева моря. Она использовалась для изготовления тяжелого бетона при строительстве хранилища радиоактивных отходов атомных подводных лодок. Ощущение у меня было, как при встрече со старым знакомым.

Там же, под Керчью, мы осмотрели небольшие грязевые вулканы. Когда несколько девушек подошли к одному из вулканов, я бросил в центр вулкана кусок породы, и светлые платья бедных девушек заляпала «грязь». Меня конечно сильно ругали. Но с геологической точки зрения вулканическая «грязь» — это глинистая масса, насыщенная газами, а не грязь в бытовом понимании. Однако девушкам от этого было не легче, и они еще долго возмущались.

На берегу Керченского пролива мы видели громадные оползни, из-за которых берег перемещался вглубь суши и некоторые жилые дома находились под угрозой разрушения.

Еще мы посетили разветвленную сеть подземных выработок в карбонатных породах — знаменитые керченские катакомбы, в которых во время войны скрывались партизаны.

В поселке Аршинцево, где в здании местной школы мы жили в те дни, когда познакомились с железорудным комбинатом и другими достопримечательностями края, произошел случай, довольно типичный для того времени, а также для предыдущих и последующих периодов жизни в Советском Союзе. Мы пошли на танцплощадку, приглашали на танец местных девушек, а у выхода с площадки нас уже ожидала большая толпа поселковых ребят. Получилось так, что я шел с высоким Юрой Гольдбергом. Нас окружила группа рослых парней, которые стали предъявлять какие-то дурацкие претензии к Юре. Явно искали повода прицепиться. На меня внимания не обращали. Но затем меня из этой группы вытянули другие парни, пониже ростом, ближе к моему, и взяли меня в кольцо. Через некоторое время раздались громкие крики, и я увидел вырывающегося из толпы Юру, на котором уже была порвана белая рубашка и из-под нее выгляды-

вала тельняшка. Юра побежал, а за ним с гиканьем и свистом бросилась толпа, в том числе и парни, окружавшие меня. Я остался один. Потом выяснилось, что Юре разбили голову и сорвали с руки часы. Вскоре та же толпа с выломанными из забора палками подошла к школе, в которой мы жили, но оттуда уже высыпали студенты с геологическими молотками, и началось толковище. Оно закончилось ничем, и аборигены с радостными воплями пошли прочь. Позже Юра предъявил мне претензии, будто я бросил его, но он был несправедлив. Я ему помочь ничем не мог, я сам находился в кольце враждебно настроенных ребят, но он не видел, как меня вытянули от него, и, наверное, подумал, что я убежал. Слышать его упреки мне было крайне неприятно, поскольку я никогда в жизни не бросал в беде своих товарищей...

После окончания Крымской практики мы погрузились в грузовик, который поздно вечером привез нас на берег моря в Алуште. В приморском ресторанчике мы выпили очень приятного массандровского портвейна, знакомого нам уже с первых дней практики, покатались верхом на ишаке, привязанном на длинной веревке к вбитому в землю колу, а потом завернулись в одеяла и легли спать на каменистую землю. Рано утром мы проснулись и с высокого берега увидели величественную картину бескрайнего синего моря и плывущих в нем дельфинов. Мы заворожено смотрели на эту красоту...

Когда-то великий польский поэт Адам Мицкевич (1798-1855), побывав в Алуште, писал, что Алушта — одно из восхитительных мест в Крыму. Алуштинские впечатления вдохновили Мицкевича на создание сонетов «Алушта днем» и «Алушта ночью»...

С Володей Соскиным и Игорем Коганом мы сняли в Алуште недалеко от моря дровяной сарай без дверей. Кроме дров там ничего не было. Зато у нас имелись с собой одеяла и рюкзаки. Одеяла мы стелили на дрова и покрывались ими, а рюкзаки клали под головы. Все комнаты в доме хозяйки, чердак и сарай сдавались отдыхающим. Даже на ветвях огромного дерева было устроено лежбище, на котором ночевал какой-то парень. В одной из комнат жили симпатичные девушки из Москвы. С самой красивой из них Володя Соскин закрутил роман, по его словам весьма успешный. Мои приставания к другой девушке были отвергнуты. Каждый день мы спускались по крутой узкой улице, через которую был перекинут выцветший плакат «Да здравствует 1-ое мая!», и шли на пляж. Иногда ездили в Ялту, в другие места Южного Крыма. В Ялте мы встретили девушек с нашего курса, которые предложили вместе встретить рассвет на Ай-Петри, но Володя высмеял их романтический порыв. Я тоже посмеялся, хотя на самом деле мне очень хотелось пойти вместе с ними.

Однажды к Алуштинскому причалу подошел катер и с него сошел недавно снятый с поста министра иностранных дел СССР В.М. Молотов. Он был одет в дорожной светлый костюм, приветливо улыбался людям на причале, и его тепло приветствовали, несмотря на то, что в партийной печати Молотова сильно ругали. Когда-то Молотов дружил со старшим братом моей мамы Даниилом Гессеном, с которым учился в Петроградском политехническом институте. Оба состояли в партии большевиков, но через несколько лет после революции Даниила обвинили в троцкизме и посадили. Его жена обратилась к Молотову с просьбой помочь. Молотов по-

хлопотал, и Даниила выпустили. Но вскоре опять посадили. И Молотов больше помочь не смог. В 1943 году Даниила расстреляли в Челябинской тюрьме. Перед этим он долгие годы провел в Соловецких лагерях...

Некоторые ребята из нашего потока после окончания практики уехали на Кавказ. Так, Боря Лашков вместе с Ирой Розенцвит отдыхал в Сухуми. По возвращении он с восторгом рассказывал о гостеприимстве местных жителей.

Мы жили в Алуште, пока имелись деньги. Когда все деньги кончились, поехали в Ленинград. В дороге питались зелеными грушами, собранными в хозяйском саду.

В Ленинграде нас ждала новость. Оказывается, московское руководство решило, что нефтяной факультет в Ленинградском горном институте не нужен, поскольку в Ленинграде нефти нет, и не предвидится, хотя существовали и противоположные мнения. Так, профессор М.М.Тетяев считал, что под Ленинградом, в районе Павловска, существует структура, к которой может быть приурочена нефтяная залежь. Но высшее руководство полагало, что нефтяной факультет должен находиться в местах добычи нефти, например, в г. Грозном. Где расположен г. Грозный, мало кто представлял, и уезжать из Ленинграда ни студенты, ни преподаватели не собирались. Тогда было принято решение прекратить прием на нефтяной факультет, а специальность «нефтяная геология» сократить. При этом часть студентов переводилась на другие факультеты. Так, из четырех групп на нашем потоке оставили одну, и в ней продолжали учиться наиболее успешные и активные студенты — Игорь Татарин, Юра Григоренко, Наташа Коварская, Жора Миркин, Фата Снисарь и др. Две группы из менее прилежных студентов перевели на геологоразведочный факультет, специальность «техника разведки месторождений полезных ископаемых» (РТ), куда попал и я. Оставшихся студентов отправили на горный факультет, специальность «горное машиностроение» (ГМ), где стипендия была намного меньше, чем на других специализациях. Такой же расклад происходил и на других курсах. Многие студенты, особенно старшекурсники, возмутились и повели борьбу за сохранение нефтяной специальности. Написали коллективное письмо в ЦК КПСС, но оттуда ответили, что поскольку государство дает бесплатное образование, то оно и будет решать, какую нам получать профессию. Тогда студенты написали жалобу в Международный Союз студентов, находящийся в Праге. Это письмо в обкоме комсомола расценили как непатриотичное и антисоветское. Представители обкома долго выявляли зачинщиков письма в Прагу. Но не нашли.

Нефтяная специализация существовала и на геофизическом факультете (НФ), но тогда ее не тронули. Лишь в 60-е годы группы НФ перевели в специализированные нефтяные институты, в частности, в Московский нефтяной институт им. И.М.Губкина.

Я не участвовал в составлении писем и ни за что не боролся, потому что для меня не имело значения, на какой горняцкой специальности учиться. Для меня важно было остаться в Горном институте, и чтоб стипендию не уменьшили. Поэтому перевод на РТ меня не взволновал, хотя другие ребята были очень недовольны. В частности, Боря Лашков заверил, что после окончания института он все равно будет заниматься геологией, а не бурением. Свое обещание он сдержал.

Наша новая специальность считалась в институте не престижной. К элитному студенчеству в Горном институте относились геофизики из засекреченной специальности РФР (геофизические методы поисков и разведки месторождений редких и радиоактивных элементов). Эта была самая молодая специализация в институте. Она была открыта в 1953 году, а вскоре был образован геофизический факультет.

Открытие новой геофизической специализации предшествовало созданию в Советском Союзе в обстановке строжайшей секретности атомной промышленности. В мире шла холодная война. В 1949 году Советский Союз впервые произвел испытания атомной бомбы. Главным конструктором атомной бомбы был двоюродный брат моей мамы академик Юлий Борисович Харитон. Несмотря на опасности, которые ему все время угрожали, он достиг своей цели. И ему было чего опасаться. Его отец Борис Иосифович Харитон до революции редактировал газету «Речь», которая являлась печатным органом партии конституционных демократов (кадетов). В 1922 году Б.И. Харитон был выслан из Советской России. Первое время он находился в Берлине, затем редактировал в Риге газету «Сегодня». В 1940 году, когда Красная Армия вошла в Ригу, органы НКВД арестовали его в числе десятков тысяч жителей «освобожденных» прибалтийских республик, и он погиб в лагерях. Мать Юлия Борисовича — Мирра Яковлевна Буровская (Биренс), актриса Московского Художественного театра в послереволюционные годы поехала на гастроли в Германию и не вернулась. Перед войной был арестован и отправлен в сибирский лагерь брат моей мамы Владимир Гессен. В 1943 году расстреляли старшего брата Даниила. Были расстреляны другие родственники. В органах безопасности об этом не забывали. Кроме того, после войны Абакумов пытался обвинить Харитона в том, что в период двухлетней работы у Резерфорда в Ковендишской лаборатории, английская разведка завербовала его. Харитон постоянно ожидал репрессий. Но Берия, являвшийся руководителем работ по созданию атомной бомбы, защищал Харитона и не давал его в обиду. Именно, благодаря Берии, Харитон остался жив и смог продолжать работу. После испытания атомной бомбы Харитона представили Сталину, который проявил о нем большую заботу. Он даже запретил ему летать на самолете, и Харитон пользовался личным салон-вагоном. (Первый салон-вагон Харитона до революции принадлежал Николаю II.)

Через два года после испытания атомной бомбы власти предложили Харитону баллотироваться кандидатом в депутаты Верховного совета СССР по Политехническому избирательному округу г. Ленинграда. Когда-то он учился в Политехническом институте. Теперь ему предстояло встретиться с преподавателями и студентами института. После встречи с избирателями Харитон приехал к нам в Басков переулок. Его сопровождал здоровенный мужчина — телохранитель, который назывался секретарем. Он внес в квартиру телевизор КВН — дар моему дяде-инвалиду Юрию Юльевичу Гессену. Это был первый телевизор в нашем пятиэтажном доме. Потом секретарь вышел на лестницу и все время визита Харитона просидел на широком мраморном подоконнике, хотя его приглашали в дом. Харитон поговорил с дядей, а потом позвали меня. Юрий Юльевич представил меня Харито-

ну и при этом сказал, что я переживаю из-за того, что не расту, а вот дядя Юля маленького роста, а каких высот достиг! Харитон при этом молча улыбался...

В стране создавался ядерный щит, а урановую руду для изготовления бомбы добывали в основном в Восточной Германии (ГДР). По количеству атомных бомб Советский Союз сильно уступал США. Поэтому требовалось очень быстро разведать и освоить новые урановые месторождения, которых в стране явно не хватало. Об этом академик В.И. Вернадский сообщал еще в марте 1943 года в письме академикам В.Л. Комарову, А.Ф. Иоффе и В.Г. Хлопину. Он писал: «...до сих пор не выяснено нахождение у нас сколько-нибудь значительных необходимых для этой цели (для получения источников новой мощной энергии) запасов урановых руд. Эта задача, которая сильно беспокоит меня в данный момент, является одной из основных и первоочередных задач Урановой комиссии...». Только в начале пятидесятых годов в стране приступили к ширококомасштабным поискам урановых руд, но оказалось, что не хватает высококвалифицированных специалистов. Поэтому в вузах Москвы, Ленинграда и Свердловска срочно открыли новые геофизические специальности. Выбор пал на геофизические методы, поскольку они считались самыми эффективными методами разведки урановых месторождений. На новую специализацию принимали молодых людей с отличной подготовкой по физике и математике, как правило, медалистов. Не каждый был способен учиться на специальности РФР, и она пользовалась большим уважением среди студентов всех специальностей института. Уважения добавляла и таинственность, которой она была окружена. Студенты этой специальности имели допуск к «совсекретным» работам. Все записи велись в секретных тетрадях, которые выдавались студентам инспектором спецотдела при входе в секретную зону, перекрытую железной дверью. И все, что было связано с изучением урановых месторождений, являлось секретным: учебники, пособия, аппаратура, и даже иностранные журналы. Студенты радиоактивной специальности получали повышенную стипендию. Кроме того, военнообязанные студенты освобождались от военных сборов. Но как говорится, за все приходится платить. Радиоактивщики потом расплачивались здоровьем и преждевременной смертью. Встреча с ураном обходилась недешево. А во время учебы молодые и здоровые студенты, теоретически зная о пагубных последствиях радиоактивного облучения, все же относились к нему несерьезно. Александр Городницкий даже написал веселую песенку, которая стала впоследствии трагикомическим гимном студентов-радиоактивщиков:

На уран он жизнь свою истратил,
Много лет в горах его искал,
И от этой жизни в результате
Он свой громкий голос потерял.
Загрустил от этой он причины
И промолвил с горечью в словах:
«Я теперь уж больше не мужчина,
А всего лишь — облако в штанах».
Он заплакал и пошел, рыдая,
Через реки, горы и поля,
И лежала перед ним большая,
Женщинами полная Земля.

Согласно древнегреческой мифологии, Уран — владыка неба, являлся сыном Геи — богини Земли, но потом он вступил с нею в интимную связь, от которой появились циклопы, сторукие великаны, титаны. Еще у них родился сын Кронос, который оскопил кривым стальным мечом (серпом?) своего отца Урана, и тот больше не смог ничего производить. Жуткие дела творились в коллективе античных богов. А теперь, те, кто встречается с ураном, заболевают, становятся бесплодными и нередко умирают...

Надо сказать, что радиоактивное излучение действует на людей избирательно. Так, однажды во время эксперимента Юлий Борисович Харитон подвергся сильнейшему радиоактивному облучению, такому, что зашкалило прибор, показывающий величину радиации. Харитон вспоминал: «Я поехал в больницу, чтобы взять пробу крови. Я знал, как выглядит кривая состава крови при получении летальной дозы. Мои анализы за последние несколько дней шли по летальной кривой. Но неприятных изменений я не чувствовал, что утвердило меня в уверенности, что это не смертельная доза, и, действительно, скоро кривая пошла на убыль». Он так и не узнал точную дозу облучения. Его сестра Анна Борисовна рассказывала, что он долго ничего не мог есть, кроме шоколада. После этого Харитон многие годы плодотворно трудился и ушел на пенсию только, когда ему исполнилось 90 лет. Всего он прожил почти 93 года...

Во втором десятилетии XXI века в ведущих российских вузах все ярче проявляется нежелание абитуриентов, студентов и аспирантов специализироваться на разведке и промышленном освоении урановых месторождений. Конечно, молодежь заботится о своем здоровье, но, кроме того, у нее нет материальных и моральных стимулов заниматься этим небезопасным делом. А положение с урановыми месторождениями после распада Советского Союза можно назвать кризисным. Многие крупные урановые месторождения стали собственностью Казахстана, Узбекистана и Украины. Российские предприятия, которые успешно занимались поисками урановых руд, переориентированы на экологические исследования. И ведущие российские ученые, как когда-то В.И. Вернадский, обеспокоены нынешним положением в урановой отрасли...

На самой престижной радиоактивной специальности РФР с отличием учился ныне знаменитый поэт и композитор, крупный ученый-геофизик, профессор, доктор геолого-минералогических наук Александр Моисеевич Городницкий. А на нашей непрестижной буровой специальности РТ, курсом младше нас, учился также ныне знаменитый писатель Андрей Георгиевич Битов. Правда, за двойки его исключили из института, призвали в строительные войска, но через год комиссовали (признали чуть ли не сумасшедшим) и он был восстановлен в институте.

Заведующим кафедрой техники разведки являлся создатель кафедры профессор Филипп Аристархович Шамшев. Будучи известным ученым-угольщиком, он основал кафедру в 1949 году. Высокий мужчина с колоритной внешностью, родом из донских казаков. Собираясь со своими земляками, он пел старинные казачьи песни. Его прекрасный бас выделялся из общего хора. Он не читал лекции «перемещенным лицам», как мы называли себя, но всех знал и помнил. Он никогда

не ждал, когда с ним поздоровается студент, а здоровался первым, да еще с легким поклоном. Я всегда чувствовал себя неловко, когда не успевал опередить его. В то время в молодежных газетах нередко помещались статьи о правилах хорошего тона с разъяснением, кто должен первым здороваться. Объяснялось, что мужчина первым здоровается с женщиной, младший по возрасту — со старшим, подчиненный — с руководителем, и т.п. Филипп Аристархович преподавал нам уроки истинной вежливости: первым здоровается тот, кто вежливее...

Итак, на третьем курсе (1956/1957годы) мы уже учились на новой специальности. На мой взгляд, учиться на новой специальности было легче, чем на нефтяном факультете. Здесь не было предметов, которые требуют систематических занятий, таких как минералогия, кристаллография, палеонтология. Где надо запоминать сотни названий, в том числе на латыни. С техническими предметами все проще — главное понять. И страшные по слухам предметы вроде сопромата, ТММ, который расшифровывался как «теория машин и механизмов», а студенты трактовали, как «тут моя могила», оказались совсем не страшными. Над ними не надо было корпеть каждый вечер. Однако геологические дисциплины я считал более интересными, чем технические...

В октябре–ноябре 1956 года в Венгрии произошли события, которые в Советском Союзе были названы контрреволюционным мятежом, назывались и фашистским выступлением. Мы, не таясь, обсуждали все, что происходило в Венгрии. Слушали Би-би-си и Голос Америки. Правда, их передачи сильно глушили. Западная информация сильно расходилась с сообщениями советских газет и радио. Кое-что мы узнавали от Шандора Текея — учившегося с нами венгра.

4 ноября в 5 часов 20 минут советские части вступили в Будапешт. Началась операция «Вихрь», разработанная маршалом Г.К. Жуковым. Три дня продолжались ожесточенные бои. Погибли 25 тысяч венгров и 7 тысяч советских солдат. У нас, конечно, об этом ничего не сообщалось. «За подавление венгерского фашистского мятежа» и в связи с 60-летием со дня рождения маршал Г.К.Жуков был награжден четвертой медалью «Золотая Звезда»...

После кончины Г.К. Жукова поэт Иосиф Бродский в стихотворении «На смерть Жукова» написал:

Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший средь волжских степей.
Кончивший дни свои глухо в опале,
Как Велизарий или Помпей.
Сколько он пролил крови солдатской
В землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».
К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою...

На демонстрации 7 ноября 1956 года один из студентов нашей специальности выкрикивал разные лозунги. Например, он кричал: «Долой клику Ракоши-Гере!» (руководители Венгрии). Окружающие поддерживали его криками «Ура!». А потом он прокричал: «Долой клику Хрущева-Булганина!» (Н.С. Хрущев был тогда первым секретарем ЦК КПСС, а Н.А. Булганин председателем Совета министров СССР). Тут же сквозь толпу к нему стали пробираться какие-то люди. Он бросился бежать. Бежал он хорошо, имел по бегу спортивный разряд. Так что он убежал. Но его выдали. Парня исключили из института и отправили для исправления на Воркутинскую угольную шахту. Через два года, изрядно облысевший, он появился на нашей кафедре для восстановления. Ф.А. Шамшев объявил своим чудным басом, указывая на него: «Герой венгерских событий!». Причем в его тоне не было ни тени осуждения, ни похвалы, скорее констатация факта.

В Горном институте вообще было принято провинившихся студентов отправлять для исправления на шахты. Знакомый мне по занятиям боксом студент Эпштейн довольно сильно отколошматил соседа по общежитию за нанесенное оскорбление. Тот назвал Эпштейна жидовской мордой. Эпштейна исключили из института и направили на шахту в Донбасс. Через год он вернулся, и его восстановили в институте. Подобные случаи бывали нередкими в студенческих общежитиях Ленинграда. Мой двоюродный брат Олег Савельев, проживавший в общежитии Академии художеств, рассказал мне, как один студент-художник, занимающийся боксом, отделал другого студента — представителя малых народов севера за то же оскорбление. По этому поводу был поднят сильный шум, грозились передать дело в суд за избиение, поскольку малые народы севера пользовались особым покровительством властей. Боксера исключили из Академии и сразу забрали в армию. Когда я приходил к Олегу в общежитие, я видел его. Олег сказал, что это очень талантливый художник...

Увлечение молодых людей с нелюбимым кадровыми работниками и частью населения «пятым пунктом» такими видами спорта, как бокс или борьба, объяснялась очень просто. В конце сороковых и начале пятидесятых годов прошлого столетия евреи часто подвергались оскорблениям и насилию, особенно в период так называемого «дела врачей». Чтобы иметь возможность защититься и проучить обидчиков, молодые люди и шли заниматься боксом или борьбой. Но, проучив, большинство из них не испытывало морального удовлетворения. Мой знакомый студент Политехнического института Клим Мосиондз занимался борьбой самбо. Однажды, он так швырнул своего обидчика, что тот ударился головой о стенку в парадной какого-то дома и отключился. Клим ушел, а потом очень переживал, и все время повторял, что он убил человека. Он уговорил приятеля, и они пошли на место столкновения. Там никого не было, стояла тишина. Признаки какого-либо происшествия отсутствовали, но Клим долго не мог успокоиться...

А венгерские события всколыхнули многих в Горном институте. Студентка геофизического факультета, участница горняцкого ЛИТО Лидия Гладкая написала стихи, посвященные венгерским событиям, под названием «26 ноября 1956 года»:

Там красная кровь — на черный асфальт,
Там русское «Стой» — как немецкое «Halt»,
«Каховку» поют на чужом языке,
и на ш умирает на на ш е м штыке.
А здесь — равнодушие (с тоской пополам)
тащит людей по ничтожным делам,
философы плачут над лужами водки,
на танцы спешат красюки и красотки.
А комсомольцы с унылым задором
фальшиво гнутят фестивальные хоры,
и, если не слышат соседи и теща,
скулят сопляки про Сенатскую площадь.
...«Аврора» устало скрипит у причала:
Мертвою зыбью ее укачало.

Стихи распространились среди молодежи, дошли до верхов, и Лидию обсуждали на факультетском комсомольском собрании. Там ее заставили прочесть стихи, долго кричали, ругались, но не наказали.

Почти одновременно студент нефтяного факультета Миша Судо в стенгазете «Нефтяник» поместил свои стихи «Не отмщенные в 37-м», посвященные всем репрессированным. Эта тема была близка Михаилу. Его отец являлся японским коммунистом, приехавшим в Советский Союз. В 1937 году его расстреляли. Когда Миша поступал в институт, он был вынужден скрывать свое японское происхождение, выдавая себя за азербайджанца. За стихи «Не отмщенные в 37-м» его хотели исключить из института, но декан нефтяного факультета Михаил Васильевич Романов выручил его. Он срочно отправил Судо в дом отдыха под Ленинградом, где тот провел две недели. За это время страсти улеглись, и его оставили в институте.

Памяти отца

Я хочу рассказать тебе многое, многое -
Все, что с болью свернулось в груди,
Все, что с детства досталось нам
долю убогою
И проклятьем легло на пути...
Гнутся ветви к земле поседевшими кронами,
Скорбно вторит им сердце-набат.
По великой стране вновь листки похоронные
Запоздалый кружит листопад.
Я поведать хочу тебе многое, милая,
Не затем ли поэтом зовусь, -
Над глухою тайгой, над святыми могилами
Поздним стоном волнуется Русь...
Смолкли честные, — силой враждебною,
вздорною,
Заклейменные страшным клеймом.
Пали лучшие смертью злой и позорною,
Неотмщенные в тридцать седьмом... (1956)

С нами учились и другие студенты из семей репрессированных. Например, студенты нашей группы Женя Каратыгин и Юра Гольдберг. Отец Жени — Павел Михайлович Каратыгин до войны работал в Горном институте на кафедре геофизики. В полевые сезоны руководил экспедицией, ведущей разведку в восточной Сибири. У него, как у начальника экспедиции, работающей в тайге, имелось личное оружие. И вот он узнает, что готовил заговор с целью застрелить тов. Сталина из

своего личного оружия. Мальчику еще не исполнилось и года, когда отца арестовали. Вскоре отца расстреляли, а мать отправили в лагерь. Женя жил со своей тетушкой-инвалидом, которую называл Мулей. Ютился в темной каморке, отгороженной тонкой фанерной стенкой в коридоре коммунальной квартиры на Суворовском проспекте. Никакой помощи ни от кого он не получал. Его мама была освобождена после войны, но в Ленинграде ее не прописали. Та же судьба была уготована и Юре Гольдбергу. Только семья Юры жила в Москве. Юра родился за пять месяцев до ареста отца — Льва Наумовича Гольдберга, который занимал должность начальника электромеханической службы Московского метрополитена. Ему приписали покушение на тов. Сталина. Он был расстрелян, а мать отправлена в казахстанский лагерь. Юра воспитывался своей тетей. Его маму после войны освободили, но в Москве жить не разрешили, и она поселилась в г. Луга Ленинградской области, где жили ее родственники. Чтобы жить ближе к матери, Юра после окончания школы поступил в Ленинградский горный институт. Учился он в школе очень хорошо, шел на медаль, которую ему так и не дали. Но поступил в институт без особого труда...

1956 год остался в моей памяти, да и в памяти многих других соотечественников, как год, богатый событиями в общественно-политической и культурной жизни. Прошел XX съезд партии, многое изменивший в сознании народа. Витал дух свободы. Появились надежды на послабления в идеологической сфере. Состоялась выставка Пикассо. Приехал на гастроли французский певец Ив Монтан. Я слышал его и не могу позабыть. В продаже появились книги Сент-Зкюперы, Э. Хемингуэя, Э.М. Ремарка. Зазвучала неуываемая мелодия «Besa me mucho (Целуй меня крепче)», сочиненная еще в 1941 году шестнадцатилетней мексиканской пианисткой Консуэллой Веласкес, которая к моменту сочинения, по ее рассказу, еще ни разу не целовалась...

В конце 1956 года пленум ЦК КПСС принял решение о снижении норм выработки для рабочих — фактически было принято решение об увеличении зарплаты рабочим. После венгерских событий в ноябре 1956 года власти задабривали рабочий класс. В дальнейшем ничего подобного в Советском Союзе не происходило.

В ленинградских магазинах полки заполнялись продуктами. В ресторанах можно было недорого и вкусно поесть. С каждой стипендии мы ходили в ресторан, чаще всего в Метрополь, реже в рестораны гостиниц «Астория» и «Европейская», где заказывали хороший ужин с вином, который никак не сказывался на нашем студенческом бюджете. (Теперь и всей студенческой стипендии не хватит на один приличный ужин в ресторане). В магазины стали поступать импортные товары — из ГДР, Болгарии, Венгрии, Китая и других стран. Появилась возможность модно и недорого одеваться. Началось интенсивное жилищное строительство. Энергичный руководитель Н.С.Хрущев, хотя над ним и посмеивались, и называли Никитой-кукурузником, вселял надежды на лучшее будущее. Он даже пообещал, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Конечно, этому заявлению мало кто верил. Но в то, что в ближайшие годы жизнь советских людей улучшится, верили многие, и я в том числе. К сожалению, совсем скоро многое изменилось в худшую сторо-

ну. А поколение советских людей, которому был обещан коммунизм, увидело крах социалистической системы.

А тогда ветерок свободы подул и в наш дом в Басковом переулке. Однажды я обнаружил в почтовом ящике открытку на имя мамы с изображением Эйфелевой башни. Это открытка пришла из парижского пригорода Сен-Дени от маминого двоюродного брата Михаила Френкеля, который подписался как Мишель. Он писал, что жизнь его и брата Василия, или как он его называл — Базиля, только стала налаживаться, как вдруг Базиль скоропостижно скончался. Похоронен на кладбище Пэр-Лашез. Когда-то я читал, что в мае 1871 г. там были расстреляны 147 коммунаров у стены, которая стала называться Стеной коммунаров. С тех пор каждый год в последнее воскресенье мая у Стены коммунаров устраиваются митинги французских трудящихся...

Я обрадовался открытке — впервые увидел письмо из-за рубежа, и понес ее в институт показывать друзьям. Мама отреагировала по-другому. Она показала открытку секретарю партийной организации своей школы. Женщина-партийный секретарь похвалила ее за то, что проинформировала партию, и велела ей ни в коем случае не отвечать, потому что «письмо может оказаться провокацией». Мама не ответила, а Мишель снова написал открытку. Тогда на письмо ответил Юрий Юльевич Гессен — мой дядя-инвалид, не опасавшийся гонений. У них завязалась переписка. Дядя Юра рассказал мне историю братьев. Оказывается, их мать уехала во Францию еще до революции. Братья остались в России. Потом они жили и работали в Советском Союзе, а когда началась война, были отправлены на фронт. Окончание войны застало их в Австрии, в советской оккупационной зоне. Здесь ими заинтересовалась контрразведка. Их вызывали на допрос и подолгу расспрашивали о родственниках за границей. Братья не стали дожидаться окончания следствия. Они сели на мотоцикл и рванули в американскую зону оккупации, а оттуда выехали во Францию...

В 1956 году в связи со столетием со дня рождения видного марксиста и руководителя социал-демократического движения в России Г.В. Плеханова Горному институту было присвоено его имя. Студенты недоумевали, за какие заслуги в горном деле? Оказывается, Плеханов чуть больше года проучился в Горном институте. Но и другие не менее известные люди начинали учиться в Горном институте, но не окончили. Например, поэт Пушкинской плеяды Н.М. Языков (...Клянусь Овидиевой тенью: Языков, близок я тебе), писатели В.Г. Короленко, В.М. Гаршин и др. На мой взгляд, Горному институту больше подошло бы имя Владимира Афанасьевича Обручева — крупнейшего геолога, палеонтолога, географа, писателя, окончившего Санкт-Петербургский горный институт в 1886 году. Скончался Обручев в 1956 году...

1956 год стал знаменательным для горняцкого ЛИТО. Был выпущен первый сборник поэтов-горняков. Он имел очень большой успех. В следующем, 1957 году выпустили второй сборник стихов горняцкого ЛИТО. Несколько книжек из второго выпуска до его утверждения каким-то образом попали в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Бдительные органы изъяли сборник и с соответствующим сопровождением отправили в Ленинградский обком КПСС. Оттуда дали

ценное указание в партком Горного института, и весь тираж уничтожили — сожгли в институтской котельной. Занятия ЛИТО были прекращены, а его руководитель Г.С.Семенов изгнан. Короткая оттепель закончилась...

Наши ранние строки сожгли в институтском дворе
И развеяли пепел — я выше не знаю оценки...
(А. Городницкий, 1992г.)

Поскольку в магазинах Ленинграда стали появляться импортные товары, нам, естественно, хотелось их приобретать. Но денег студентам, особенно живущим в общестии, не хватало, и многие были вынуждены носить старую одежду, перешедшую от старших братьев или отцов. А высокий, красивый студент нашей группы Юлий Кириченко щеголял в отцовской офицерской шинели, поэтому Юлий получил прозвище «офицер». К тому же Юлий занимался фехтованием, так что прозвище было вполне уместным...

Не удивительно, что студенты стремились где-нибудь подработать. Позже, когда мы стали зарабатывать на производственной практике, положение облегчилось. А пока мы использовали любую возможность заработать. Осенью, когда в Ленинград шел с юга поток фруктов, торговые организации приглашали желающих поработать на погрузо-разгрузочных работах. Со студентом нашей группы Славой Ереминым я ходил по выходным дням разгружать фрукты на знаменитые Бадаевские склады, расположенные на Киевской улице. В начале блокады Ленинграда склады подверглись бомбежке немецкой авиации, и долго горели, вследствие чего город лишился части своих продовольственных запасов. Об этом событии упоминается в песне В.Высоцкого «Я вырос в Ленинградскую блокаду»:

Я видел, как горят Бадаевские склады,
В очередях за хлебушком стоял.

Ленинградцы со всего города ходили на Киевскую улицу, чтобы раздобыть земли, пропитанной расплавленным сахаром. Обернутую в газету «Сладкую землю» можно было купить на «Голодных рынках» или обменять на золото наравне с другими продуктами. В сознании ленинградцев пожар на Бадаевских складах стал символом начала голода. На самом деле это была легенда. На Бадаевских складах сгорели лишь трехсуточные запасы продовольствия...

Я с удовольствием ходил на Бадаевские склады. Мне нравилось разгружать фрукты. За работу я сразу получал деньги, правда, небольшие. Можно было кое-что брать с собой. Каждый раз с разрешения охраны я выносил в маленьком спортивном чемоданчике пару лимонов, три больших яблока и гроздь винограда. Для того времени это был неплохой набор. А вот грузчики, с которыми мы числились в одной бригаде, умудрялись в подкладке пальто пронести по сотне лимонов. Они аккуратно укладывали лимоны под подкладку, как кирпичики, один к одному, и я их пальто называл «кремлевской стеной». Кроме того, они умудрялись перекидывать через ограду какие-то ящики. Я не видел, чтобы они работали. Они занимались исключительно своими воровскими делами. А задание бригадира выполняли мы со Славой... ❖